

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
Филологический факультет
Отделение теоретической и прикладной лингвистики

Малые языки в большой лингвистике

Сборник трудов конференции 2017

Москва
Буки Веди
2018

УДК 811
ББК 81.411.2-02

Малые языки в большой лингвистике. Сборник трудов конференции 2017 /
Ред. Кс. П. Семёнова. – М.: «Буки Веди», 2018. – 216 с. – ISBN 978-5-4465-
2096-1

Печатается по постановлению редакционно-издательского совета
филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова

Рецензенты:

доктор филологических наук В. И. Беликов
доктор филологических наук Н. Р. Сумбатова

В сборник вошли статьи, написанные участниками конференции «Малые языки в большой лингвистике», состоявшейся на отделении теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова 2-3 ноября 2017 года. Сборник представляет интерес для самого широкого круга лингвистов, а также для антропологов и этнографов.

ISBN 978-5-4465-2096-1

© Авторы, 2018

Оглавление

От редактора.....	7
<i>П. М. Аркадьев</i> Частные вопросы без вопросительных слов: интеррогативные глагольные формы в абазинском языке	9
<i>А. В. Архипов</i> Изменения в селькупском вокализме: частное акустическое исследование	16
<i>И. С. Бурукина</i> Формальная характеристика рефлексива <i>-i'</i> в языке какчикель	23
<i>И. С. Бурукина</i> Семантика и синтаксис интенсификатора <i>ške</i> в горномарийском языке.....	29
<i>О. С. Волков, Д. И. Игнатенко</i> Комплетив и терминатив в амгуэмском говоре чукотского языка	35
<i>Е. В. Деликанова</i> Некоторые наблюдения над порядком слов в баргузинском диалекте бурятского языка.....	42
<i>Д. О. Жорник, С. В. Покровская</i> Документация верхнелозьвинского диалекта мансийского языка	49
<i>Т. С. Зевахина</i> Редупликативы дунганского языка в словаре и тексте	57
<i>Д. М. Зеленский, П. О. Россяйкин</i> Асимметрия по полярности системы причастий возможности баргузинского диалекта бурятского языка	63
<i>И. А. Зибер</i> О консонантизме амгуэмского говора чукотского языка	70
<i>О. Н. Иконникова</i> Номинализованные предикатные комплексы в салишском языке кёр-д'ален в синхронно-диахронном аспекте	77

<i>Е. В. Кашкин, М. А. Сидорова, А. Р. Гарейшина, Д. Д. Мордашова, И. К. Учитель</i>	
Всё =ok: о семантике одной горномарийской энклитики	83
<i>А. А. Кибрик</i>	
Опыт создания списка Сводеша для экзотического языка	91
<i>А. А. Козлов</i>	
Инкорпорация именных зависимых в имя в амгуэмском чукотском	94
<i>Ю. Б. Коряков</i>	
Амшенский армянский: история изучения и современное состояние	100
<i>Ю. В. Мазурова</i>	
Индия – новый ареал на карте полевых исследований	107
<i>Т. А. Майсак</i>	
«Презенс нарушенного ожидания» в андийском языке	112
<i>Н. В. Макеева, А. Б. Шлуинский</i>	
Фактатив в языке акебу	119
<i>А. Е. Маньков</i>	
Диалект села Старошведское: некоторые итоги и перспективы изучения	125
<i>Е. К. Молчанова</i>	
Бесписьменный язык зороастрийский дари в рамках большой иранистики	132
<i>Е. В. Моргунова</i>	
Эллиптическая конструкция с глаголом <i>ti:xə</i> в бурятском языке	138
<i>Г. А. Мороз, С. Ферхеес</i>	
Классы в Зило: экспериментальные данные андийского языка	145
<i>М. А. Овсянникова, О. В. Ханина</i>	
Что происходит с языком, когда на нем перестают говорить? (данные нефинитных форм лесного диалекта энецкого языка)	151
<i>Svetlana V. Orlova</i>	
Semantics of evidential particles in Northern Selkup	159

А. Б. Панова

Сложные предикаты с элементом *-дзыцца-* в абазинском языке:
между морфологией и синтаксисом 167

П. С. Плешак, Т. И. Давидюк

Структура именной и послеложной групп
в горномарийском языке 174

М. Ю. Привизенцева

Множественное падежное маркирование
при эллипсисе существительного:
словоизменение vs. словообразование 181

Н. В. Сердобольская, С. Ю. Толдова

Маркирование прямого дополнения и его линейная позиция
в коми-зырянском языке (печорский диалект) 188

Н. М. Стойнова

Система глагольной деривации в ульчском языке:
зона глагольной множественности 196

А. И. Федоренко

Рутульский и цахурский атрибутивизаторы:
гипотеза о встречном развитии показателей 203

И. А. Хомченкова

Частица *=at* в горномарийском языке: синтаксис и семантика 210

От редактора

В настоящий сборник вошли статьи участников конференции «Малые языки в большой лингвистике», состоявшейся на отделении теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова 2–3 ноября 2017 года. Конференция была приурочена к 50-летию школы полевой лингвистики, основы которой заложили А. Е. Кибрик, С. В. Кодзасов и А. И. Кузнецова.

Языки, ставшие объектом исследования, представляют 13 языковых семей и групп из разных частей света — абхазо-адыгскую, атабаскскую, индоевропейскую, ква, майя, монгольскую, нахско-дагестанскую, салишскую, самодийскую, сино-тибетскую, тунгусо-маньчжурскую, финно-угорскую, чукотско-камчатскую.

Не менее разнообразна и проблематика статей — отражение нашли не только явления различных уровней языка, начиная с фонетики (статьи А. В. Архипова и И. А. Зибер) и заканчивая синтаксисом (П. М. Аркадьев, Е. В. Деликанова, Е. В. Моргунова и мн. др.), но и проблемы, непосредственно связанные с процессом изучения и документации малоописанных языков, как практического, так и теоретического характера (статьи Д. О. Жорник и С. В. Покровской, А. Е. Манькова, Е. К. Молчановой, А. А. Кибрика).

Основообразующий элемент сборника (что, впрочем, прямо следует из тематики конференции) — это то, что все работы представляют результаты полевых исследований. В большинстве случаев, речь идёт о языках с малым числом носителей, о языках, находящихся под угрозой исчезновения. В этом отношении невозможно переоценить вклад авторов статей в описание и сохранение языкового многообразия современного мира. Прошедшая конференция, как нам кажется, предоставила столь важную для этих целей площадку, где полевые исследователи — как совсем молодые студенты бакалавриата, так и уже состоявшиеся профессионалы — могли поделиться друг с другом важным опытом и знаниями. Отрадно видеть, что традиция, заложенная полвека назад нашими учителями, живёт и развивается, и очень хочется надеяться, что эта конференция станет регулярной.

Кс. П. Семёнова

Частные вопросы без вопросительных слов: интеррогативные глагольные формы в абазинском языке*

Пётр Михайлович Аркадьев
Институт славяноведения РАН, РГГУ
alpgurev@gmail.com

1. Введение

Частные (специальные) вопросы вроде *Кто пришёл?*, требующие от адресата сообщить значение неизвестной говорящему переменной, имеют расчленённую коммуникативную структуру, где переменная является фокусом, а остальная часть высказывания — пресуппозицией [Lambrecht 1994: 282; Idiatov & van der Auwera 2004] (исходным предположением вопроса [Падучева 1985: 238–240]), ср. (1):

(1) [*Кто* (x)]_{фокус} [*пришёл* (x)]_{пресуппозиция}?

В подавляющем большинстве языков мира частные вопросы строятся с использованием специальных лексических единиц, выражающих фокус вопроса, — так называемых вопросительных местоимений [Ultan 1978: 53; Siemund 2001: 1018].

Во многих языках, в том числе в языках Северного Кавказа, частные вопросы используют фокусную конструкцию типа (псевдо)клефта, где вопросительная группа является сказуемым, а пресуппозитивная часть — безвершинной релятивизацией, см. [Sumbatova 2009, Сумбатова 2009], ср. французский пример (2a) и его адыгейский эквивалент (3a). В примерах (2b) и (3b) показано, что та же конструкция используется в обычных относительных предложениях.

(2) французский (индоевропейские > романские)

a. [*Qu'est-ce*] [*que tu lis*]?

‘Что ты читаешь?’ букв. «Что есть то, что ты читаешь?»

b. *Tu es très triste à la fin de chaque roman* [*que tu lis*].

‘Ты грустишь в конце каждого романа, который ты читаешь.’¹

* Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ 17-18-01184 «Коммуникативная организация естественного дискурса на звучащих и жестовых языках».

¹ <http://www.welovebuzz.com/12-signes-que-tu-es-un-accro-a-la-lecture/>, просмотрено 24.04.2018.

(3) адыгейский (западнокавказские > адыгские, полевые данные автора)

- a. [səd-a] [wə-z-a-ʒ'e-re-r]?
 что-Q 2SG.ABS-REL.IO-DAT-читать-DYN-ABS
 '(2a)'
- b. txəλ-ew wə-z-a-ʒ'e-re-r
 книга-ADV 2SG.ABS-REL.IO-DAT-читать-DYN-ABS
 'книга, которую ты читаешь'

Абхазский и абазинский языки, не являясь исключением из этой тенденции, особенно интересны для типологии частных вопросов, поскольку в них фокус и пресуппозиция вопроса могут быть выражены морфологически в одной глагольной словоформе, что в типологических исследованиях ранее практически не отмечалось (см., впрочем, [Idiatov 2007: 271–278]). В данной работе описывается морфология частных вопросов в абазинском языке на основе материала, собранного в ходе экспедиции НИУ ВШЭ и РГГУ в аул Инжич-Чукун Абазинского района Республики Карачаево-Черкесия в июле 2017 г.

2. Необходимые сведения об абазинском языке

Абазинский язык характеризуется полисинтетизмом и последовательным вершинным маркированием: роли всех актантов выражаются морфологически в составе сказуемого с помощью префиксов лица-числа-класса (4).

- (4) j-šə-z-j-a-s-h^m-p
 3SG.N.ABS-2PL.IO-BEN-3SG.M.IO-DAT-1SG.ERG-говорить-NPST.DCL
 'Я скажу ему (это) о вас.' (пример из текста)

Кроме того, морфологически кодируются пространственные, аспектуальные, модальные и временные значения, а также независимый или подчинённый статус предикации. Последнее отражается в противопоставлении так называемых «финитного» и «нефинитного» рядов видовременных форм, ср. [Чкадуа 1970], см. таблицу 1.

Таблица 1. «Финитные» и «нефинитные» видовременные показатели

		«финитные»	«нефинитные»
статические глаголы	настоящее	-p/-b	-əw
	прошедшее	-n	-z
динамические глаголы	настоящее	-əj-t/-əj-d	-wa
	имперфект	-wa-n	-wa-z
	аорист	-t/-d	(-z)
	будущее	-wa-š-t/-wa-š-d	-wa-š

На основе «нефинитных» форм образуются, среди прочего, отрицательные и вопросительные формы, использующиеся в качестве независимого сказуемого.

Релятивные клаузы в абазинском языке строятся на основе нефинитных глагольных форм, в составе которых показатель релятивизуемого актанта заменяется на префиксы релятивизации *jə-* (абсолютив) или *zə-* (прочие позиции), см. [Hewitt 1979a; Kibrik 1992; Россиус 2017; Сорокина 2017], ср. примеры (5) и (6).

- (5) a. *pxəz-ta bə-z-ba-d*
сон-ADV 2SG.F.ABS-1SG.ERG-видеть-(AOR)DCL
'Я увидел тебя во сне.' [Сорокина 2017: 3]
- b. *pxəz-ta jə-z-ba-z bara*
сон-ADV REL.ABS-1SG.ERG-видеть-PST.NFIN ты.F
b-aḱ^w-b
2SG.F.ABS-COP-NPST.DCL
'Кого я увидел во сне — это ты.' [там же]
- (6) a. *sə-nbž'aḱ^w-ča-k^{wa} j-g'ə-r-dər-wa-m*
1SG.IO-друг-PL.H-PL 3SG.N.ABS-NEG-3PL.ERG-знать-IPF-NEG
'Мои друзья не знали этого.'
- b. *sə-nbž'aḱ^w-ča-k^{wa} jə-z-dər-k^w-wə-z*
1SG.IO-друг-PL.H-PL 3SG.N.ABS-REL.ERG-знать-PL-IPF-PST.NFIN
'мои друзья, которые знали это' (пример из текста)

По сходной модели строятся и некоторые обстоятельственные нефинитные формы, ср. темпоральную релятивизацию в примере (7).

- (7) *č-an-hə-r-pχá* *ámš'tax'* *a-zə*
RFL.ABS-REL.TEMP-1PL.ERG-CAUS-греться после DEF-вода
č-atá-ta-h-psa-χə-n
RFL.ABS-RE-LOC-1PL.ERG-сыпать-RE-PST
'После того, как согрелись, мы опять пошли в воду.' (пример из текста)

3. Частновопросительные глагольные формы в абазинском языке

При анализе вопросительных глагольных форм абазинского языка следует различать вопросы к актантам предиката и к сирконстантам, строящиеся, соответственно, на базе актантной и обстоятельственной релятивизации.

Актантные вопросительные формы содержат релятивный префикс в позиции, соответствующей синтаксической роли фокуса вопроса, и один из двух вопросительных суффиксов, выступающих аналогом вопросительного слова и указывающих на личность (*-da*) и неличность (*-ja*) переменной вопроса. Нижеследующие примеры иллюстрируют

вопросы к абсолютиву субъекта (8) и прямого объекта (9), к эргативу (10), к непрямому объекту (11) и к объекту, вводимому аппликативным превербом (12).

- (8) а. *j-ʕa-ka-ʂá-ja?*
REL.ABS-DIR-LOC-падать-QN
‘Что упало?’
- б. *j-ʕa-ka-ʂá-da?*
REL.ABS-DIR-LOC-падать-QH
‘Кто упал?’
- (9) а. *jə-b-bá-da?*
REL.ABS-2SG.F.ERG-видеть-QH
‘Кого ты видела?’
- б. *j-ʕá-b-g-ja?*
REL.ABS-DIR-2SG.F.ERG-нести-QN
‘Что ты принесла?’
- (10) *w-ʕa-z-rə-há-ja?*
2SG.M.ABS-DIR-REL.ERG-CAUS-бояться-QN
‘Что тебя напугало?’
- (11) *wə-z-pš-wá-da?*
2SG.M.ABS-REL.IO-смотреть-IPF-QH
‘На кого ты смотришь?’
- (12) *swəp z-la-rá-ē-wa-ja?*
суп REL.IO-INS-3PL.ERG-пить-IPF-QN
‘Чем едят суп?’

Поскольку приименной посессор в абазинском языке кодируется как не прямой объект (13а), вопрос к посессору оформляется аналогичным образом, ср. (13б) с обладаемым в позиции предиката.

- (13) а. *s-ra*
1SG.IO-сын
‘мой сын’
- б. *də-z-p-əw-da?*
3SG.H.ABS-REL.IO-сын-PRS.NFIN-QH
‘Чей это сын?’ (букв. «Кто есть тот, чей это сын?»)

Рефлексивизация непрямого объекта в абазинском обычно выражается дублированием соответствующего личного префикса (14а), и при образовании вопроса к субъекту такого глагола релятивный префикс также повторяется (14б).

- (14) а. *hara ʕac-ra š'arda h-hə-r-dər-d*
мы новый-MSD много (3SG.N.ABS)IPL.IO-IPL.ERG-CAUS-знать-DCL
‘Мы изучили (букв. каузировали себя знать) много нового.’
- б. *awəj z-zə-r-dər-wa-z-da?*
то REL.IO-REL.ERG-CAUS-знать-IPF-PST.NFIN-QH
‘Кто это изучал?’

Это является следствием более общей закономерности: при релятивизации на релятивный префикс заменяются все личные префиксы с тем же референтом (см. [O'Herin 2002: 264–265]; ср. также [Ландер 2009] об аналогичном явлении в адыгейском). Ср. пример (15), где фокус вопроса совпадает с посессором актанта, и (16) с полипредикативной конструкцией с совпадением субъектов.

- (15) *z-pájš' ja-ŕ^{na}-č^w-əw-da?*
REL.IO-комната REL.ABS-LOC-сидеть-PRS.NFIN-QH
'Кто сидит у себя в комнате?' (букв. «кто есть сидящий в чьей комнате?»)

- (16) *ba ʒa-s-á-z-h^{wa}-rnəs*
поцелуй DIR-1SG.IO-DAT-REL.ERG-сказать-PURP
jə-z-taq-əw-da?
3SG.N.ABS-REL.IO-надо-PRS.NFIN-QH
'Кто хочет меня поцеловать?'

Вопросительные формы, как и вообще релятивные формы, могут присоединять именной показатель множественного числа *-k^{wa}*, ср. (17).

- (17) *jə-w-c-k^{wa}-z-da?*
REL.ABS-2SG.M.IO-быть.вместе-PL-PST.NFIN-QH
'С кем (мн.) ты был?' (пример из текста)

Обстоятельственные вопросы содержат префиксы обстоятельного подчинения, за которыми непосредственно следует префикс обстоятельного вопроса *-ba/-pa*, ср. пример (18) с вопросом о времени (ср. также пример (7) выше), (19) с вопросом о месте и (20) с вопросом о способе.

- (18) *h-an-ba-də-r-č'-wə-š?*
1PL.ABS-REL.TEMP-QADV-3PL.ERG-CAUS-есть-IPF-FUT
'Когда нас покормят?'

- (19) a. *h-ʒa-nɣa-wá* *ápɣ'arta*
1PL.ABS-REL.LOC-работать-IPF школа
'школа, в которой мы работаем'

- b. *w-ʒa-bá-nɣa-wa?*
2SG.M.ABS-REL.LOC-QADV-работать-IPF
'Где ты работаешь?'

- (20) *r-wəs* *š-pa-c-wə-š?*
3PL.IO-дело REL.MNR-QADV-идти-IPF-FUT
'Как пойдут их дела?' (пример из текста)

Вопросы о причине и цели, однако, строятся по актантной модели и неотличимы от вопросов к неличному непрямому объекту, ср. (21). С типологической точки зрения в этом нет ничего удивительного, ср. русское разговорное *чего* ‘почему’ или литовское стандартное *kam* ‘кому / чему, зачем’.

- (21) *wə-nbžʹafʷ-ča-kʷa* *z-šá-wə-m-d-ja?*
 2SG.M.IO-друг-PL.H-PL REL.IO-DIR-2SG.M.ERG-NEG-вести-QN
 ‘Почему ты своих друзей не привел?’ (пример из текста)

Логичным следствием такой стратегии оформления частных вопросов является запрет на множественные вопросы (отсутствующий в адыгских языках, см. [Касьянова 2017]; о других языках с подобным запретом см. [Stoyanova 2008]), ср. утверждение Б. Хьюита об абхазском [Hewitt 1979b: 21]: “Is it possible to question more than one thing in a sentence? No.”

4. Заключение

Морфологический способ образования частных вопросов в абазинском и абхазском [Hewitt 1979b: 10–23] — исключительная типологическая редкость. Тем не менее, за этой уникальной чертой стоят вполне определённые и логичные факторы:

- 1) типологически распространённая стратегия образования частных вопросов с помощью фокусной конструкции с релятивизацией;
- 2) характерная для всей западнокавказской семьи морфологическая стратегия образования релятивных форм, опирающая в свою очередь на
- 3) свойственное полисинтетическим языкам эксплицитное кодирование ролевой информации в глагольных формах.

Не находят очевидного объяснения лишь вопросительные морфемы. Несмотря на то, что в симметричной структуре абазинских суффиксов актантных вопросов соблазнительно усмотреть личный (*d-*) и неличный (*j-*) показатели абсолютива и на этом основании счесть источником суффиксов энклитизированные вопросительные слова с обобщённым корнем, данные других западнокавказских языков говорят о том, что абазинская ситуация диахронически скорее вторична. В абхазском неличные и обстоятельственные частные вопросы оформляются суффиксом *-j* [Hewitt 1979b: 12–15], и тот же суффикс используется в частных вопросах в уبخском [Fenwick 2011: 133–134], где они строятся без релятивизации.

Список условных сокращений

ABS — абсолютив; ADV — адвербиализатор; AOR — аорист; BEN — бенефактив; CAUS — каузатив; COM — комитатив; DAT — дативный аппликатив; DCL — декларатив; DEF — определённый; DIR — директивный преверб; DYN — динамичность; ERG — эргатив; F — женский род; FUT — будущее время; H — класс людей; INS — инструменталис; IO — не прямой объект; IPF — имперфектив; LOC — локативный преверб; M — мужской род; MNR — способ; MSD — масдар; N — класс не-людей;

NEG — отрицание; NFIN — нефинтность; NPST — непростое время; PL — множественное число; PRS — настоящее время; PST — прошедшее время; PURP — целевая форма; Q — вопросительность; RE — рефактив; REL — релятивизация; RFL — рефлексив; SG — единственное число; TEMP — темпоральное подчинение.

Литература

- Касьянова П.А. 2017. Кто кому что о чем говорит? Вопросительные предложения в кубанском диалекте кабардино-черкесского языка. Рукопись.
- Ландер Ю.А. 2009. Множественная релятивизация: подлинная и мнимая // Я.Г. Тестелец (ред.), *Аспекты полисинтетизма: очерки по грамматике адыгейского языка*. М.: РГГУ, 612–651.
- Падучева Е.В. 1985. *Высказывание и его соотносённость с действительностью*. М.: Наука.
- Россиус А.А. 2017. Стратегии релятивизации в абазинском языке. Экспедиционный отчет.
- Сорокина А.Д. 2017. Относительные конструкции в абазинском языке. Экспедиционный отчет.
- Сумбатова Н.Р. 2009. Коммуникативная структура адыгейского предложения: перспектива и фокус // Я.Г. Тестелец (ред.), *Аспекты полисинтетизма: очерки по грамматике адыгейского языка*. М.: РГГУ, 559–611.
- Чакуда Л.П. 1970. Система времён и модальных образований в абхазо-абазинских диалектах. Тбилиси: «Мецниереба».
- Hewitt B.G. 1979a. The relative clause in Abkhaz (Abzui dialect) // *Lingua* 47, 151–188.
- Hewitt B.G. 1979b. *Abkhaz*. Amsterdam: North Holland.
- Idiatov D. 2007. A Typology of Non-Selective Interrogative Pronominals. PhD Dissertation, Universiteit Antwerpen.
- Idiatov D. & J. van der Auwera 2004. On interrogative pro-verbs // I. Comorovski & M. Krifka (eds.), *Proceedings of the Workshop on the Syntax, Semantics and Pragmatics of Questions*, ESSLLI 16, 17–23.
- Kibrik A.A. 1992. Relativization in polysynthetic languages // *International Journal of American Linguistics* 58(2), 135–157.
- Lambrecht K. 1994. *Information Structure and Sentence Form*. Cambridge: CUP.
- O’Herin B. 2002. Case and Agreement in Abaza. Arlington: SIL International.
- Siemund P. 2001. Interrogative constructions // M. Haspelmath, E. König, W. Oesterreicher & W. Raible (eds.), *Language Typology and Language Universals. An International Handbook*. Vol. 2. Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 1010–1028.
- Stoyanova M. 2008. Unique Focus. Languages without Multiple Wh-Questions. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins.
- Sumbatova N. 2009. Constituent questions and argument-focus constructions: some data from the North-Caucasian languages // J. Helmbrecht, Y. Nishima, Yong-Min Shin, S. Skopeteas, E. Verhoeven (eds.), *Form and Function in Language Research. A Festschrift for Christian Lehmann*. Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 313–328.
- Ullian R. 1978. Some general characteristics of interrogative systems // *Universals of Human Language*. № 4. P. 211–248.